

18+

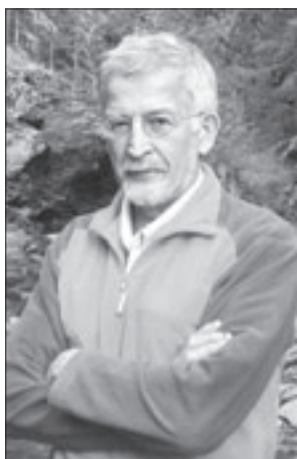
Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №3 2021 ГАЗЕТА

Камиль Зиганшин / Хождение к Студёному морю

ЗИГАНШИН Камиль Фарухшинович

родился в 1950 году в башкирском поселке Кандры, в семье кадрового офицера. Детство и юность прошли на Дальнем Востоке в военных городках.

По образованию — радиоинженер. Закончил Дальневосточный политехнический институт (1973). Женат, отец пятерых детей.

До возвращения на родину ему довелось потрудиться в геологических партиях, отходить матросом на китобойце «Вольный», работая штатным охотником, промыслять вместе с удэгейцами соболя в Лозовском Госпромхозе в острогах Сихотэ-Алиня.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации и Башкортостана.

Член Союза писателей России с 1995 года.

Писать начал в конце 80-х годов, используя материалы охотничьих дневников, впечатления от путешествий и работы в геологических партиях. Автор книг: «Щедрый Буге», «Маха, или История жизни куницы», «Боцман», «Таежные истории», «От Аляски до Огненной Земли», исторических романов о старообрядцах и звенках, а также многочисленных путевых очерков о труднодоступных уголках планеты.

Лауреат литературных премий «Имперская культура» (2004), Алексея Толстого (2005), «Добрая лира» (2010), Вячеслава Шишкова (2011), Николая Лескова (2012), Юрия Рытхэу (2012), Петра Ершова (2014), Степана Злобина (2001). Историческая диалогия «Золото Алдана» в 2012 году отмечена Государственной премией имени Салавата Юлаева.

Живет в Уфе.

К 85-летию со дня рождения

Николай РУБЦОВ

(1936–1971)

ЛЕВИТАНУ

(По мотивам картины «Вечерний звон»)

В глаза бревенчатым лачугам
Глядит алеющая мгла,
Над колокольчиковым лугом
Собор звонит в колокола!
Звон заокольный и окольный,
У окон, около колонн —
Я слышу звон и колокольный,
И колокольчиковый звон.
И колокольцем каждым в душу
До новых радостей и сил
Твои луга

звонят

не глуше

Колоколов твоей Руси!

1960

«Я умру в крещенские морозы...»

БУКЕТ

Я буду долго
Гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Нарву цветов.
И подарю букет
Той девушке, которую люблю.
Я ей скажу:
— С другим наедине

О наших встречах позабыла ты,
И потому на память обо мне
Возьми вот эти
Скромные цветы! —
Она возьмет.
Но снова в поздний час,
Когда туман сгущается и грусть,
Она пройдет,
Не поднимая глаз,

Не улыбнувшись даже...
Ну и пусть.
Я буду долго
Гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Я лишь хочу,
Чтобы взяла букет
Та девушка, которую люблю...
<1962>

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор

Юрий Козлов

Редакционная

коллегия:

Дмитрий Белюкин

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Права

на использование

товарного знака

«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2021

Все права защищены

Журнал зарегистрирован

в Министерстве связи

и массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-68350

от 30.12.2016 г.

Подписаться

на журнал «Роман-газета»

можно в отделениях связи

и через Интернет:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные

индексы издания:

в каталоге агентства

«Роспечать»

70782 на полугодие,

71752 на год;

в объединенном

каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2021 №3 /1872/ Основана в 1927 г.

Камиль Зиганшин

Хождение к Студёному морю

(Третья книга летописи «Золото Алдана»)

ОТ АВТОРА

Любезный читатель! Вы держите в руках третью книгу летописи о старообрядцах. Из первых двух («Скитники» и «Золото Алдана», «Роман-газета», 2015, № 5, 6) вы узнали о жизни общины, зародившейся в Ветлужских лесах во второй половине XIX века, одолевшей трудный путь через Сибирь и обосновавшейся в Забайкальском крае, а затем оттеснённой в глушь Алданского нагорья и там хоронящейся по сию пору. Параллельно с историей общины, в этих романах рассказывается о последнем походе Белой гвардии — армии генерала Пепеляева и судьбе отряда белогвардейцев, укрывшегося неподалёку от скита старообрядцев.

В третьей книге, вы пройдёте с главным героем Корнеем Елисеевичем Кузовкиным от Алдана до Ледовитого океана и Чукотского Носа. Повстречаетесь с потомками русских землепроходцев, коренными жителями Крайнего Севера: эвенками, юкагирами, якутами, чукчами.

Погружаясь в мир староверия, понимаешь, что у этих сильных духом людей можно поучиться способности преодолевать трудности, находить счастье и радость там, где другие не видят ничего, кроме проблем. А ещё, и это, пожалуй, главное, способности быть благодарным Создателю за каждый прожитый день.

ПРОЛОГ

Сомненье — гибель, вера — жизнь.

Дарья, глянув в окно, мимо которого прошли две девицы, задумалась.

— Чего загрустила, матушка? — обнял её за плечи, гостивший в скиту настоятель монастыря Изосим.

— Эх, сынок! Ума не приложу, что делать. Где женихов искать? Пять девиц на выданье, а парней, отвечающих Правилу, нет. Либо кровники, либо родственники по кресту¹. И сестра твоя, Елена, тоже в девках, а ей уж за двадцать перевалило. Паша в

¹ Помимо запрета на брак между родственниками до седьмого колена, следовало соблюдать ещё и запрет на брак для родственников по кресту. Так, сыну крёстной и её крестнице тоже нельзя жениться. По этой причине в крёстные старались брать кого-либо из кровной родни.

бобылях ходит, а ты обет дал. Похоже, так и помру без внуков... Может, что присоветуешь?

— Есть одна мысль — надо с китайцем поговорить.

— Что ещё за китаец? — сразу насторожилась Дарья.

— Да захаживает к нам один из Маньчжурии. Прежде золотарил в наших краях, а когда иностранцам запретили мыть рыжуху и стали жёстко преследовать, переключился на контрабанду. С весны до осени успеваешь сделать на лошадях по тайным тропам четыре ходки. Захаживает и к нам. Мы ему золотишко, кабарожью струю, пушнину, а он боеприпасы, мануфактуру, соль, сахар.

— Так чем тот китаец в нашем деле может помочь?

— Он как-то обмолвился, что ещё к каким-то бородачам товар возит. Даже ворчал: «Да сто з такое! Как борода так «не мозно да не мозно», — изобразил он торговца. — Сдаётся мне, что это он про наших одноверцев говорил. Ежели моё предположение подтвердится, отправлю к тебе.

Когда китаец с навьюченными товаром лошадейми явился в монастырь, Изосим сразу подступил к нему:

— Ван, ты как-то обмолвился, что ещё к каким-то бородачам ходишь. Кто они?

— Бородачи, как бородачи. Такие зе, как и вы, русские с верёвочками.

— Можешь помочь с ними связь установить.

— Бумагу пиши. Передам.

В следующий визит Ван привёз ответ от тамошнего наставника. В нём сообщалось, что они беспоповцы и тоже испытывают нужду в невестах и жёнах.

Изосим на следующий день с одним из трудников отправил китайца в скит к матери. (Ван, рассчитывая на новых покупателей, согласился без колебаний). Обрадованная Дарья ответным письмом приглашала тамошнего наставника с молодыми на смотрины, а Вану вручила длинный список потребных общине товаров.

На Преображение Господне китаец явился в скит со старообрядцами из неведомой Маньчжурии. Матвей, открывший ворота, попросил Вана подождать, а одноверцев повёл в избу Дарьи. Та распорядилась призвать билом народ на меновую торговлю, а сама занялась гостями.

Уставщик, сероглазый, коренастый бородач лет пятидесяти, с тёмно-русой шевелюрой и такими большими ручищами, что, словно стесняясь, он то складывал их на груди, то прятал за спину. От всей его крепко скроенной фигуры веяло надёжностью и

спокойствием. С ним трое парней. Войдя, гости разом стянули картузы из своедельщины и низко поклонились. После чего, повернувшись к образам, сотворили молитву и перекрестились.

— Доброго здравия на многие лета, матушка! Иван Фёдорович Кулагин, — прогудел он. — А это наши женихи: мои сыновья Харитон, Назар, и соседский — Устин.

— Спаси Христос! Благодарствую, что столь скоро откликнулись на приглашение!

— Так ведь и у нас интерес имеется.

Заметив, что Дарья с недоумением поглядывает на узкоглазого Устина, пояснил:

— Мать у него китаянка. Но она прошла переправу. Сам Устин крещён по Правилу, с троекратным полным погружением.

— Каков обличьем — не столь важно. Главное, чтоб в нашей вере был. Мне ближе крещёный китаец, чем некрещёный русский.

— Истину молвите, матушка. Примите от нас скромный, но пользительный для души дар — книги, своеручной работы¹. Одна певческая, ещё до Никоновой sprawy писана, а вторая святителя Епифана.

— Спаси Христос, Иван Фёдорович! Мы с книгами дружим. Сами знаете, сколь важны православному эти мудрые советчики. При усердии в них можно найти ответы на любые вопросы.

— То верно. Умная, добрая книга всегда побуждает к размышлению, даёт примеры благочестивой жизни.

— С дороги, поди, устали? — спохватилась Дарья.

— Есть чуток. Путь не близкий, да и тропы малохоженные.

— Паша, будь ласков, проводи гостей на серный источник.

— А далеко ль до него? — забеспокоился уставщик.

— Недалече. С полверсты, но очень советую. Не пожалеете. Бывает, так уломаешься за день, что ноги не держат, а окупёшься — такая лёгкость и благодать, кажется, полетела бы как птица.

Через час, посвежевших путников усадили за стол. За трапезой хозяйка полюбопытствовала:

— Иван Фёдорович, ну и как вам наш источник?

— Спаси Христос! И в самом деле, словно заново родился, — ответил тот, улыбнувшись.

— Рада, что удовлетворены... В Китай-то каким ветром общину занесло?

¹ Несмотря на периодические усиления гонений со стороны официальной церкви и властей, старообрядческая книжность с момента раскола интенсивно пополнялась вновь издаваемыми печатными и рукописными памятниками. Круг необходимых служебных и четых книг имелся в каждой семье и передавался из поколения в поколение.

— Ежели начать с истоков, то предки наши с Речи Посполитой. Когда по указу Екатерины прошла вторая выгонка, осели в Забайкалье, в Верхнеудинском округе. Пришли туда в 1764 году. То я достоверно знаю из исповедных росписей.

Жилось там вольготно и покойно пока не понаехали переселенцы с Малороссии. Оне разврат принесли, ругань, ссоры. Мы, дабы оградиться от них и избежать самовыселения с насиженного места, составили на сходе приговоры о недопущении чужаков. Поспокойней стало. Но явилась другая беда: началась коллективизация и притеснение со стороны власти. Пришлось, хоть и горько было, оставлять дома и возделанные пашни. Всей общиной подались в Северный Китай — Маньчжурию.

Добрались без людских потерь, но волосы с той дороги у многих сделались белыя. Половина лошадей пала, оставшиеся выбились из тела. Два года терпели крайнее затруднение, особливо с провиантом.

— Чего ж вы на чужбину, на такие мучения ушли. Ведь и в Сибири потайных мест в достатке.

— Пытались. Две семьи с годик пожили было на Лене, да вертались — вельми хладный край сказали. А тем, кто в Маньчжурию разведать ходили, тамошний край глянулся. Говорили, красовитей места не найти: тепло, земля жирная.

Днесь не бедствуем, на ноги крепко встали. По первости тамошние семейские¹ нас порядочно поддерживали, а позже — японцы разный инвентарь дали, в те годы оне в Маньчжурии властвовали. Имели задумку переселить со своих островов пять миллионов крестьян, а опыта возделывания непривычной для них маньчжурской земли не было. Когда началась война, хотели забросить нас в Россию диверсантами, но мы отказались. Хоть и не любы Советы, идти супротив своих грех.

В сорок пятом встречали Красную Армию цветами, радовались и гордились — победили и германца, и японца. Радовались, пока не познакомились со СМЕРШем. Оне нам: «Кулаки, беглецы! Эва, как живут!» Арестовали пятерых. Незаконно-де границу перешли в тридцатых годах... С тех пор о них ни слуху, ни духу. Куды кто делся, не ведомо.

После того нас несколько лет никто не трогал. Мы успокоились. Думали, поживём! Но в сорок девятом явилась напасть с другой стороны. В Китае к власти пришли коммунисты. Нам объявили: «Ваше проживание нежелательно, уезжайте». Кудыть уезжать? Баят, кудыть хотите. Хоть домой, хоть в Боли-

вию, хоть в Бразилию, хоть в Парагвай — оне мол согласны принять. Каково русскому бородачу ехать в какой-то неведомый Парагвай?! Голову сломали — как быть?

Приезжали советские консула. Агитировали вернуться на родину, осваивать целинные земли. Может хто и соглашался, но мы на сходе решили: чиво это в Советы через стока лет вертаться — не для того бежали от колхозов. Не стали дожидаться, когда начнут насильно вывозить. Погрузили самое необходимое на телеги, и ушли в глубь Большого Хингана — горы такие. Семейские следом подались. Сичас оне на соседнем ключе живут. Там нас никто не беспокоит. Отстроились. Охота и рыбалка кормят. Изюбра на панты бьём. Ишо наладились тигрят для богатого китайца ловить. Он за них стока платит, што ежели двух взять, то можно год безбедно жить.

— Поди опасное дело?

— По-первости всяко бывало. Опосля наловчились. Перво-наперво мать выстрелами от тигрёнка отгоним. А как собаки его в круг зажмут, тут не зевай — одеяло накидывай и лапы вяжи.

— Страх какой! — ужаснулась Дарья.

— Мы ж не взрослых. Тех не брать...

— Иван Фёдорович, велика ли ваша община?

— На двадцать пять дымов сто шестьдесят семь душ.

— А кроме тигров какой ещё зверь в вашем Хингане водится? — встрял свёкор Дарьи, дед Елисей.

— Много хто. Зайцев и рябцов не считаю. Из крупного — изюбр, лось, пятнистый олень, горалы. Медведь, конечно. Даже красные волки заходят. Лепарды, сказывают, есть. Правда, мы не встречали. Боле всего кабанов. О! чуть не забыл — гималайский медведь имеется, его ишо древесным, за то што любит по деревьям лазать, величают. Его тоже хватает. Многочисленны еноты. Я их в паводок десятками на островах снимал. Потешные и жирные, будто бочонки. Само собой всякое пушное зверьё. Из редких, непальская куница — харза.

Во время вечернего богослужения «китайцы» порадовали хозяев проникновенным, слитным песнопением по крюковым знакам.

— Баско у вас получается, до самого сердца проняли, — похвалила Дарья.

— А нам отрадно, что служба у вас по чину, — отозвался Иван Фёдорович.

— Как исстари апостолами и Вселенскими соборами установлено, так и исповедуем. Не можем отступить от отеческих правил, — улынулась Дарья.

Изредка поглядывая на уставщика, она поймала себя на мысли, что он глянется ей и как мужчина. Видела, что и она ему нравится. (Женщины чувствуют и понимают такие вещи без слов.) Ей, конечно,

¹ Семейские — так называли десятки тысяч старообрядцев-беспоповцев переселённых в три этапа в XVIII веке из Речи Посполитой (Гомельской области) за Байкал. Эта «выгонка» осуществлялась с целью защиты восточных границ России от посягательств Цинской империи. Они привнесли в этот край высокую культуру земледелия.

было приятно, что в свои года сохранила привлекательность, но, в то же время, стыдилась и осуждала себя за бабий интерес к гостю. Даже невольно подумала: может, была слишком строга к Корнею? Жилито душа в душу... От нахлынувших воспоминаний сердце защемило. Дарья вдруг поняла, что до сих пор любит мужа...

Елену, как она и предполагала, сосватал Харитон — сын уставщика. (На смотринах на неё только и глядел). Любу, дочь Матвея, — чернявый племянник Устин. А вот Назар невесту по душе не нашёл — ему тоже сразуглянулась Елена, но он не отважился соперничать со старшим братом. Расстроенный, не стал даже ни к кому присматриваться. Иван Фёдорович, видя, что Дарья озабочена, успокоил:

— Теперь дорогу знаем, не раз придём, ребята у нас ещё есть.

После рукобития наставники обручили молодых по уставу.

«Аз тя посягаю жену мою Елену» — торжественно, не сводя восторженных глаз с избранницы, произнёс Харитон. Она отвечала: — «Аз тя посягаю мужа раба Божьего Харитона». Так они повторили три раза. То же самое произнесли Устин с Любашей.

Дарья, с трудом сдерживая слёзы, взяла икону и подошла к молодым: «Благословляю вас, чадо наши, ликом Господним на честный брак, телу на здравие, душам на спасение. Помните, там где любовь, — там Бог, где совет — там свет, без совету, без любви в доме стены пусты». После этого Иван Фёдорович с чувством прочитал «Поучение новобрачным».

Молодухам заплели волосы в две косы, и надели шашмуру — головной убор замужней женщины. А они повязали мужьям собственноручно тканые пояски. На Еленином было вышито «Люблю сердечно, дарю навечно».

По завершению обряда молодожёны, трижды поклонившись родителям, пригласили всех к свадебному столу. Прочитав хором молитву, приступили к трапезе, во время которой гости по очереди вручали клоны — подарки.

Первыми подошли еленины дед с бабкой. Елисей вручил парням, сшитые им самим, поняги¹ из кожи, а Ольга, молвив молодым: «мужа послушаться — Бога оскорбить», накинула каждой на плечи по вязаному платку. Подходили по старшинству, одаривая молодых, и все остальные.

Трапезничали поначалу безмолвно, но ядрёная брага своё взяла. Потихоньку расшевелились, разговорились, запели песни. Матвей с супругницей Глафирой пустились в пляс. Да с таким задором, что и остальные присоединились. Захмелевшая Дарья то-

же вышла в круг: пусть маньчжурцы знают, что варлаамовцы умеют веселиться. Молодые же сидели чинно, брагу не пили.

Гуляли, бражничали, похмелялись три дня. Прощание было грустным. Мать Любаши, рыдала в голос. Да и Дарья из последних сил держалась. Лишь напоследок, уже у ворот всплакнула. Обняла молодых, смахнула слёзу: «Свидимся ли когда, дитяtko моё ненаглядное!?» и, обращаясь к зятю добавила: «Береги, не обижай мою дочурку. Будешь холить, лелеять, будешь как сыр в масле кататься».

Иван Фёдорович был доволен: ему после брачной ночи доложили, что невесты непорочны.

С молодыми в маньчжурский скит отправились Паша и трое ребят из пещерников. Павел долго упирался, отговаривался — привык холостяковать, но мать настояла: невестка ей нужна была теперь до крайности. Выдав Елену, она осталась без помощницы. Свекровь уже не в счёт: едва по дому ходит.

— Паша, ты там больно не привередничай. Главное чтобы добрая была да работающая. Гляди не лицо, гляди сердце. Красота ведь до венца, а ум и душа — до конца, — напутствовала она сына.

По дороге завернули в монастырь. Там и переночевали. Корней благословил дочь, а с сыном разговора не получилось — тот всё время молчал, отвечал односложно: так и не смог простить обиды безотцовщины. Корней и не обижался. Понимал, как разрубленную верёвку ни связывай, узел всё равно остаётся.

Через месяц варлаамовцы вернулись в удвоенном составе. Дарья лишь только глянула на выбор сына, так и расцвела. До того пригожа была Катюша: милая, ласковая. А со временем убедилась что и в делах она расторопна и умела.

Жизнь в скиту текла по незыблемому распорядку. Сотворив утреннюю молитву, каждый испрашивал у родителей, а при их отсутствии — у старших по возрасту благословение на предстоящие дела. Лишь после этого принимались за работу. День завершали вечерним правилом. Благодаря мудрости и душевному теплу Дарьи, в общине царил атмосфера любви и взаимовыручки.

Что удивительно, несмотря на строгий распорядок и тяжёлый труд, люди в этой глухомани не утратили тягу к красоте. Старались не только опрятно и со вкусом одеваться, но из года в год прихорашивали свои отстроенные после пожара жилища.

Окна обрамляли, каждый на свой лад, затейливыми наличниками со сквозной резьбой. Ставни расписывали узорчатыми росписями. Стены разрисовывали порхающими среди деревьев птицами, цветами, завитками и непременно единогором —

¹ Поняга — сибирский аналог рюкзака. Предназначена для переноса утвари и припасов.

символом силы и свободы. Всё это делало жилище похожим на цветущий райский сад.

Цветистым орнаментом покрывались не только стены, но и печи, матицы, двери, стулья. У иных узорочье было даже на прялках и посуде. Всё это ласкало глаз, создавало праздничный настрой даже в хмурые осенне-зимние дни.

Хозяева, обновляя росписи стен (как снаружи избы, так и внутри), старалась заполучить Капитона, самого искусного в этом деле.

Сряда¹, передаваемая по наследству из поколения в поколение, тоже всячески украшалась. При этом особый упор делался на вышивку, на её яркость и разнообразие узора. Наряды бережно хранили и надевали лишь по Великим праздникам. По мере необходимости подновляли, освежали. Но и к повседневной одежде относились крайне бережно. Кроили безостатковым способом, а самые лучшие ткани использовали лишь для видимых частей костюма: воротников и фартуков.

Рукоделию девочек обучали с малых лет. К семи годам они умели прясть и вышивать. К десяти—двенадцати, когда начинали готовить приданое, уже самостоятельно ткали в разной технике; кроили, шили простые фасоны. Небрежность резко осуждалась. Говорили — «худую», неумелую никто замуж не возьмёт.

Мальчиков учили не только плотничать и столярничать, но и рыбачить, охотиться, валить лес, колоть дрова. А всех вместе — грамоте и Закону Божьему.

Обучение велось как в семье, так и в школе. Правда, после смерти наставника Григория она какое-то время бездействовала. Дарья, помня его слова: «Если в детстве не будем говорить с детьми о Боге, то в старости будем говорить с Богом о детях», решила возобновить занятия. Особенно необходимы они были для детей пещерников. Рассудив, что лучше Паши для этого никого не найти: начитанный и спокойный, убедила сына взять на себя заботу о школе.

Занятия Павел Корнеевич начал с изучения Ветхого Завета и Пятикнижья. В хорошую погоду проводил уроки прямо на свежем воздухе: на лужайке перед школой, на речке, в лесу. Прочитав очередную главу, растолковывал ребятам её суть на примерах из жизни общины. Попутно ненавязчиво разъяснял смысл требований Устава, писанного старцем Варлаамом.

Затем учили наизусть три основные молитвы: «Отче наш», «Символ веры», «Богородице Дева радуйся». Зубрили так, чтобы помнить до смертного часа. Кому-то учение давалось легко. А с кем-то приходилось оставаться и заниматься дополнительно. Освоив Азбучку, переходили к чтению книг.

Ремёслам же обучали другие члены общины, каждый по своей части.

* * *

Хорошо это или плохо, но жизнь Создателем устроена так, что покой и благодать не длятся вечно. В 7463 году² (1957 году) лета практически не было. Каждый день дождь, холодный ветер. А в конце июня двое суток кряду валил снег. Погибло почти всё звериное и птичье потомство. Выживших добила бескормица: не уродились ни ягоды, ни орехи, ни грибы. Холодное лето больше всех огорчало детвору — вода в Глухоманке была такой студёной, что ни разу не искупались.

Надежду на благополучную зимовку скитникам давала навяленная рыба. Её, к счастью, в речке и озере не убавилось. Да и гусей во время линьки худобно набить удалось. А вот набрать кедровых орехов и брусёны, из-за неурожая, не получилось. Посему упор сделали на съедобные коренья. В общем, голод общине не грозил.

* * *

А вот обитатели монастыря от сюрпризов непогоды пострадали изрядно. У них за лето снег выпал дважды. Первый, в июне, погубил, всходы яровых и буквально припечатал к земле озимую рожь. Заодно мокрым снежным саваном переломало деревья. Второй, на Успение Пресвятой Богородицы, добил остатки того, что уцелело. Посему монастырским, чтобы посеять озимые³ и оставить зерно на весеннюю страду, пришлось резко ограничить выпечку хлеба.

Все понимали, что следует подналечь на рыбалку и охоту. Иначе зиму не пережить. Мужики уходили в обедневшую тайгу на несколько дней, но возвращались чаще всего с пустыми руками.

У Корнея к тому времени культя зажила и он, смастерив протез, стал учиться ходить. Первая конструкция оказалась неудачной: протез то и дело съезжал, а при опоре на него, культю пронзала острая боль. Пытаясь хоть как-то улучшить её, поместил протез в глубокую кожаную гильзу, плотно облегающую обрубок. Два поперечных ремня надёжно фиксировали её и обеспечивали равномерное распределение нагрузки при ходьбе.

Первое время Корней прогуливался лишь по территории монастыря. Когда кожа достаточно огрубела, стал выходить за ворота, где собирал дикоросы, а

² До 1700 года в России действовал ведический календарь, заменённый Петром Первым на григорианский, ведущий отсчёт с Рождества Христова.

³ Озимые сеют с конца августа по начало сентября, чтобы до снега ростки успели подняться до 10—12 сантиметров.

¹ Сряда — нарядная одежда.

пообвыкшись, и в тайгу на охоту. При этом был единственным, кто почти всегда возвращался с добычей.

Старший сын Корнея — Изосим, он же настоятель монастыря, отец Андриан, обиды на батю за то, что тот ушёл из семьи, не поминал и вёл себя по отношению к нему уважительно.

За время, пока заживала культя, Корней стал всегдатаем монастырской библиотеки. В ней нашлось и несколько книг по географии. Больше всего нравилось ему разглядывать карты в большом, увесистом фолианте «Атласъ Россійской Имперіи». Часами рассматривая хребты, затейливые нити рек и речушек, он вживую представлял эту местность.

Чаще всего раскрывал разворот, на котором были изображены река Лена и впадающий в неё Алдан. (Кружочек, обозначающий город Алдан¹ на его извилистой ниточке почему-то отсутствовал). Определив по характерной излучине место впадения Глухманки, Корней отправлялся в мысленное путешествие по загогулинам русла, то приближаясь, то отдаляясь от Верхоянского хребта, до голубого поля с надписью «Северный океань».

Когда он первый раз прочитал её, ему представилось громадное, бескрайнее озеро. Особенно потрясла Корнея его глубина. Судя по надписям на карте, она в некоторых местах превышала две тысячи метров. «Сколько же лет реки заполняли эту ямину? Пожалуй, не одну тысячу», — удивлялся он.

Корней так полюбил странствия по картам, что мог просидеть над ними несколько часов кряду.

Эти воображаемые путешествия распалили его фантазию. Неведомые горы и прихотливые извивы рек представляли перед его мысленным взором так чётко, что он «видел» их в мельчайших деталях.

Некая юла, сидящая в нём, набирая обороты, пробуждала желание отправиться-таки к загадочному Студёному морю, известному ему с детства из сказок эвенкийской бабушки.

Прознав, что один из монастырских трудников много раз хаживал с экспедициями по Крайнему Северу, Корней зазвал его к себе.

Долговязый, сутуловатый бородач с умными серыми глазами в свои сорок с небольшим исходил весь Север и мог рассказывать о нём бесконечно. Наверное, поэтому монастырские звали его Географом. Как позже выяснилось, тот и в самом деле был учителем географии. Окончив Ленинградский университет, он девять лет преподавал в школе.

— Николай Александрович, как же вас занесло на Крайний Север?

— Так я, Корней Елисеич, там и родился. Дед мой из ссыльнопоселенцев. Ещё при Александре Третьем протопал по этапу из Тульской губернии до Усть-Янска. Бабушка поехала за ним. Пока отбывали срок, обжились, детей нарожали. Так и остались. Это ведь только для заезжих Север промороженная, закованная во льды и обделённая светом окраина. Они и представить себе не могут, какое буйство жизни у нас летом! А как красиво небо, расцвеченное северным сиянием. Те, кому выпадает счастье видеть всё это, пленяются Севером навсегда.

— Я, конечно, ничего этого не видел, но меня почему-то с детства тянет в те края. Крайне любопытно побывать там где прошли первооткрыватели этих земель и морей.

— Это ж здорово! Корней Елисеич, вы не пожалее! Поверьте, в нашей стране не так уж много мест, принявших столько прославленных путешественников, как мой Усть-Янск, — обрадовался Географ. — Представьте себе, ещё в 1637 году енисейский десятник Елисей Буза первым спустился по Лене и вышел в Ледовитый океан с отрядом в пятьдесят человек. На следующий год он же с сотоварищами на не боящихся льдов круглобрюхих кочах² достиг устья Яны. Тогда же боярский сын Иван Ребров прошёл пролив Дмитрия Лаптева и зашёл в устье Индигирки.

— На карте есть море Лаптевых. Это в его честь?

— Разумеется, в честь него и брата Харитона³.

А устье Колымы морем первым в 1643 году достиг казачий атаман Михаил Стадухин. Общая протяжённость открытых и описанных им берегов составила полторы тысячи километров.

Арктический мореход Семён Дежнёв, выйдя из Нижнеколымского острога в 1648 году на кочах (три из них в шторм разбило), совершил выдающееся географическое открытие — доказал, что Азия не смыкается, как до того полагали, с Северной Америкой. Обогнув Чукотский нос он первым прошёл на лодке вверх по реке Анадырь, где построил острог. В Усть-Янске с научными целями побывали капитан-командор Семен Лаптев, мичман Федор Матюшкин. Позже, Колымская экспедиция Фердинанда Врангеля, описала побережье от Индигирки до Берингова пролива, который, вообще-то, справедливее было бы называть проливом Семёна Дежнёва, ибо проход из Ледовитого океана в Тихий пройден и описан им на 80 лет раньше обрусевшего датчанина.

— Вот это ничего себе! А я только про Дежнёва и Врангеля читал.

¹ Алдан был основан в 1923 году (городом стал в 1932), а атлас издан в 1912 году.

² Коч — русское, парусно-гребное деревянное, одномачтовое, однопалубное судно с корпусом яйцеобразной формы.

³ Полярные исследователи, двоюродные братья Дмитрий и Харитон Лаптевы первыми описали береговую линию этого моря.

— Что вы! На моей родине работали ещё такие известные исследователи, как барон Толь, боцман Бегичев, геолог Волосович, учёный Миддендорф. А экспедиция друга Врангеля, лейтенанта Петра Анжу, так и называлась «Усть-Янской». Описывая берег между Оленёком и Индигиркой, он прошёл на собаках тысячи километров.

Наш Усть-Янск в те времена был известен от Таймыра до Чукотки. Я бы назвал его «форпостом лейтенантов». Поглядите, чьи подписи стоят под знаменитой Генеральной картой Сибири, составленной по описям Великой Сибирской экспедиции: лейтенанты Харитон Лаптев, Дмитрий Овцын, Сафрон Хитров, Иван Елагин; капитаны флота Степан Малыгин, Дмитрий Лаптев. Со временем почти все они стали адмиралами.

— Я читал, что священники, проповедуя слово Божие, к первой четверти XIX века завершили христианизацию малых народов Севера. При этом они выступали не только проводниками православия и русской культуры, но и обучали грамоте местное население.

До увлечённых беседой приятелей донёсся звук била, призывающий к обедне.

— Николай Александрович, слушать вас интересно, но некоже опаздывать. Предлагаю встретиться ещё раз после службы.

Корней встал и, пригласив густо засеянную седыми нитями бороду, добавил:

— Для меня важно всё, что касается Севера. Особенно про ранешные времена.

— Так я с удовольствием поделюсь всем, что знаю. Карту для наглядности принесу... Корней Елисеич, просьба есть. Если не затруднит, зовите меня просто Николаем и Географом. Мне так привычней.

— Договорились.

Вечером Николай продолжил свой эмоциональный рассказ:

— На мой взгляд, вся эта лейтенантско-сибирская экспедиция, продолжавшаяся десять лет, с 1733 по 1743 год, — воистину Великая, я бы даже сказал — героическая! Поражает невероятная преданность делу и Отечеству! Ведь ни один народ, ни одно государство в те годы не пыталось, да, по-моему, и не смогло бы предпринять такого. Это как раз то, что называется русским размахом... Возьмем, для примера, только август—октябрь 1740 года.

Представьте Север того времени. На крайнем востоке страны, в Авачинской бухте, на Камчатке, отдают якоря пакетботы «Святой Павел» и «Святой Петр», прибывшие из Охотска под командой Беринга и Чирикова. В те же дни команда бота «Иркутск», на капитанском мостике которого стоит Дмитрий Лаптев, отважно пробивается сквозь льды вблизи устья Колымы, стремясь к неведомым землям Чукот-

ки. А возле восточного берега Таймыра, сплюснутый торосами, идёт ко дну бот «Якутск». Его экипаж, по решению Харитона Лаптева, направляется по льдам к пустынному берегу полуострова Таймыр и посуху обследует, описывает его. Тщательность и точность, с какой выполнены эти работы, поразительна. Ещё более поразительно мужество этих людей: ведь они испытывали нехватку практически во всём. Я вам сейчас покажу маршруты этих экспедиций. — Возбуждённый Николай развернул на столе вычерченную от руки карту. — Вот смотрите...

— Погоди, погоди — темновато, — остановил его Корней. Пересев к печке, он нащипал ножом, сделанным из старой косы, лучины. Запалил сначала одну, потом, для лучшего света, вторую.

— Вот теперь получше. И что там у нас?

— Смотрите, здесь нанесены все маршруты. Штрихами — первопроходцев, а те, что мы прошли, — точками. Я ведь тоже изрядно помотался по Северу. Если сложить всё вместе, то поболее кругосветки получится. Вот отсюда досюда прошёл в 1940 году с Ленинградской экспедицией. И тут был, и тут, — с гордостью показывал он.

— Я тоже немало походил по лесам и горам, но мне с тобой не сравняться.

— Вам будет чудно, но в Заполярье леса в обычном понимании нет.

— А что там, трава что ль?

— В основном карликовые берёзки и ползучие ивы. А вот цветов море. Когда все они зацветают... красота неопишущая! Глаз не отвести. Горы есть, но пониже ваших, и по большей части лысые. А вот озёр и болот без счёта. В них, правда, не утонешь — вечная мерзлота.

С того дня их вечерние посиделки стали регулярными. Николай приходил к Корнею, как только управлялся с заданиями благочинного¹.

За чаем, он подробно рассказывал всё, что знал о Севере. Корней внимательно слушал. Если что-то было непонятно, переспрашивал. Оставшись один, записывал в тетрадь самое важное. В том, что судьба свела его с таким знатоком Заполярья, он видел Божий промысел.

Эти встречи-беседы окончательно лишили скитника покоя. Север всё сильнее манил его. Никакие доводы разума уже не могли заглушить его желания идти туда, куда звала мечта, рождённая в детстве бабушкиными сказками: ведь ни одна из них не обходилась без упоминания о Студёном море. Корней и не противился этому зову. Эта мечта-желание настолько завладела им, что ложась спать, он непре-

¹ Благочинный — священнослужитель, несущий ответственность за хозяйственную деятельность в монастыре и соблюдение братией внутренних правил.

менно мысленно проходил весь путь от монастыря до океана. А случалось, просыпался ночью от нахлынувших сновидений воображаемой дороги и подолгу лежал, заново переживая сон.

Корнею хотелось обсудить с сыном своё намерение отправиться на Север, но всё робел: как-никак настоятель монастыря. Наконец, набрался смелости и, выждав момент, когда тот отдыхал в своей келье, постучался. Изосим отворил сразу, словно ждал его. Это успокоило Корнея, заговорил без стеснения:

— Сынок, — тут он запнулся, — отец Андриан, пришёл посоветоваться.

— Слушаю внимательно.

— Ничего не могу с собой поделат. Старая маета одолевать стала — потянуло в дорогу.

Изосим вопросительно глянул:

— И куда теперь?

— На этот раз туда, где кончается земля. Хочется увидеть океан и побывать в тех краях, где пол лета — день, пол зимы — ночь. Представь, там даже медведи белые! Что посоветуешь?

Сын смотрел на отца и думал: «Неугомон! Как был бродягой, так им и остался. Такого в четырёх стенах не удержать», а вслух произнёс:

— Ведал, что маешься, ждал, когда сам придёшь. У Создателя на каждого из нас свой замысел. Коли Он тебя на край Земли призывает — стало быть, это для чего-то надобно...Благословляю!

Андриан перекрестил двоеперстно отца.

— Когда мыслишь отправиться?

— По весне, как земля подсохнет.

Хотя Изосим знал, что раньше июля отец не выйдет, поправлять не стал:

— Время подходящее. Одно тревожит — как на культе в такую даль?

— Ты же сам в проповеди о святом Луке говорил, что главный враг человека — страх. Что для успеха задуманного надобно не страшиться и, уповая на Бога, действовать. А уж Он подскажет и поможет.

— Я и не отрицаю того, но беспокоюсь — путь-то не близкий.

— Нога не подведёт. Протез хорошо подогнал, сидит, как влитой. Да и кожа загрубела, не так чувствительна. Главное выйти к Алдану. Дальше мыслю на пароходе.

Тут Корней развернул тщательно скопированную из атласа карту:

— Ежели Господь позволит, хочу достичь вот этого пролива. Берингов называется. За ним Русская Америка. Аляской называется. Знаешь, кто такой Беринг и почему пролив назван его именем?

И Корней с жаром принялся рассказывать про экспедицию командора, которая благодаря мужеству и таланту капитан-лейтенанта Чирикова совершила массу географических открытий.

— С маршрутом всё понятно, а как с родительским благословением? Без него пути не будет. В учении Ивана Златоуста прямо сказано: «Родителя послушаться — Бога оскорбить».

— За то сильно опасаясь ... Отец ведь так и не простил.

— Сходи, покайся, глядишь, смягчится... Заодно проверишь, как нога себя поведёт. В гостинец муки прихвати — у них, поди, давно кончилась. Марфе скажу, чтоб отсыпала.

Выйдя из кельи, окрылённый Корней немедленно направился к Географу. Не терпелось поделиться радостью, что настоятель поддержал его намерение достичь не только океана, но и Берингова пролива.

— Корней Елисеич, если вы не против, я бы тоже с вами пошёл.

— А чего мне противиться? Вдвоём-то сподручней. Тем паче места те знаешь, да и к бивачной жизни навычный. Только прежде чем идти, мне непременно родительское благословение получить следует. Без него никак.

Не любивший долгой раскачки, Корней отправился в скит, едва стали гаснуть звёзды. В лесу стояла обычная предрассветная тишина, но стоило взошедшему светилу позолотить морщинистую кору сосен и выбелить стволы берёз, лес ожил: защелбали, запорхали разнокалиберные птицы, забежали зверушки. В горельнике, в просвет между подрастающими ёлочками мелькнул круп убегающего сохатого.

— Ишь ты, белоштанник! Испугался?! — улыбнулся Корней.

Где-то в стороне неуверенно попробовала голос кукушка и смолкла, прокукував двенадцать раз.

— Что-то маловато ты мне отсчитала, — продолжал посмеиваться скитник.

«Пристыженная» птица, вскоре возобновила счёт и вещала свои пророчества до тех пор, пока Корней не сбился со счёта. В растущих вдоль тропы зарослях шиповника он разглядел каким-то чудом сохранившиеся ягоды. Сняв со спины понягу, прислонил её к стволу кедра и, отцепив притороченный котелок, стал собирать их для матери. Ягод было немного и, переходя от куста к кусту, он быстро удалялся от тропы.

Неожиданно оттуда донесся короткий рык. Привстав, скитник увидел, что в метрах пяти-шести от поняги стоит небольшой, видимо, прошлогоднего помёта, медведь. Обнаружив незнакомую штуковину, он внимательно и смешно рассматривал её издали. «Что это такое? Оно опасное? Можно ли это есть?» — читалось в его позе.

Зверь крадучись, делал к поняге шажок и замирал, вслушиваясь и всматриваясь, как Оно отреаги-